

## ПОКОЛЕНИЕ – ЭТО ГЛАГОЛ<sup>1</sup>

**А.М. Винкельман**

*Национальный исследовательский университет  
«Высшая школа экономики»*

**Аннотация:** Кажется, что о разнице поколений принято говорить с позиций экстремумов – старшие говорят, что не понимают младших, а младшие старших. Сейчас я нахожусь где-то посередине и поэтому хотела бы рассказать про свой опыт осмысления темы поколений. С одной стороны, этот текст почти философский, ведь поколение – ключевая историческая категория. С другой стороны, всю фундаментальность этой категории я попробовала показать через личную историю, в которой все поколения – от Фалеса, до моих первых учеников – неразрывно связаны. Поколение – это не застывшее понятие, не данность, а действие и усилие, поколение – это глагол.

**Ключевые слова:** поколения, НИУ ВШЭ, немецкая философия, XXI век.

*Чему бы ни научалось одно поколение от другого, истинно человеческому ни одно поколение не может научиться от предыдущего. В этом отношении каждое поколение начинает сначала, у него нет никакой другой задачи, отличной от задачи предшествующего поколения, и оно также не идет дальше, коль скоро предшествующее поколение не уклонилось от этой задачи и не обмануло само себя. Это истинно человеческое есть страсть, в которой одно поколение также совершенно понимает другое и понимает само себя. Любить – ни одно поколение не научается этому от другого, ни одно поколение не может начать с какой-то другой точки, кроме начала, ни одно позднейшее поколение не имеет более простой задачи, чем предыдущее, и если человек не желает останавливаться здесь, как это сделали предшествующие поколения, останавливаться на том, что он любит, но желает идти дальше, тогда это всё превращается всего лишь в бесцельную и глупую болтовню.*

С. Кьеркегор. Страх и трепет

<sup>1</sup> См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 1187–1198.

Очень может быть, что мое поколение философов окажется одним из последних. Звучит апокалиптически, но я думаю, что тут всё обстоит примерно так же, как и с историческим процессом в целом. Его же я мыслю с тех позиций, с которых работаю в философии – с позиций современного прочтения философии немецкого идеализма. История мира проходит один большой цикл – далее (тут уже зависит от конкретного философского подхода) можно спорить о том, един ли этот цикл для всей планеты, культуры, страны, университета, даже может быть и кафедры. Конец цикла при этом не обязательно обозначает конец всего, напротив – подобно фениксу, исторический процесс всё время перерождается, а свое прошлое имеет в снятом виде (любимый немцами глагол *aufheben*). Поэтому если я сейчас скажу, что XXI век – конец прекрасной эпохи поколений, то буду иметь этим в виду не тьму и гром апокалипсиса, но лишь момент развития истории, в котором мы сейчас живем.

О конце истории говорили много, но сегодня говорят заметно больше, чем обычно. Даже по сравнению с началом моего академического пути в 2013 году. Многие стараются как-то замедлить этот конец, но ключевые симптомы налицо – мы видим размывание всяческих границ (пола, статуса, стиля), радикальные климатические изменения. Приходится переосмыслить даже важнейшую категорию философии – пространство, в кантовском, протяженном смысле. Всё оно сжалось в одну нематериальную точку, попасть в которую можно введя логин и пароль от учетной записи в Zoom.

Говорить о поколении, о философской эпохе можно теперь буквально везде. Интересно, что именно небывалое расширение пространственных границ и попадание в виртуальное пространство всего, что поможет изучить философию и даже получить философское образование или работу (онлайн), тоже заставляет нас иначе говорить о поколении, главным образом о том, как оно формируется. От старших коллег я знаю, как сложно было установить контакт с другими странами, получить архивные документы – теперь это минутное дело. Твой философский учитель может быть в другой точке мира, не говорить на твоём языке, принадлежать к совершенно другой культуре. Это удивительно и при этом немного жутко.

В этом смысле мой путь в философию начался совсем иначе – с реального пространства, где были запахи, текстуры, вкусы, где было холодно и жарко, громко и тихо, где у студентов нельзя было выключить микрофон, чтобы они не шумели, где всё было объемное и живое, где всё звало вернуться и провести как можно больше времени там. Когда я начинала учиться, у нас было место, которое мы считали своим, место, куда была дорога и откуда открывались дороги.

Меня зовут Анна Винкельман, с 2013 года я начала учиться на факультете философии Высшей школы экономики в чудесном городе Москва. Я смело могу сказать, что к нынешнему моменту мою карьеру можно назвать успешной почти во всех аспектах, думаю, даже почти невероятно успешной. У меня не было почти никаких «стартовых позиций». Я родилась в Уфе, в прекрасной, но, как принято говорить, «простой» семье, где меня всегда любили и поддерживали. Я приехала в Москву, чтобы поступить во ВГИК на «Режиссуру игрового кино». Не то что бы я очень любила кино, но в школе мне здорово удавались сценарии и короткие ролики на разные абстрактные темы. На третьем туре вступительных экзаменов я не прошла во ВГИК и оказалась на философском. Слово «случайно» тут не подойдет – когда я листаю свои детские стихи, заметки, рисунки, то вижу, что, кажется, это самое неслучайное, что со мной вообще было. На уфимском вокзале у меня было две большие холщовые сумки, рюкзак, наверное, тысяч двадцать рублей (в 2013-м должно было хватить на 1,5 месяца) и много энергии и надежд.

Почти все из них оправдались. В 2020 году мне двадцать пять лет, я преподаватель философии в Высшей школе экономики, заместитель руководителя Школы философии

и культурологии, у меня магистерский диплом Кельнского университета, дипломы, пожалуй, почти всех возможных российских стипендиальных фондов и несколько зарубежных, немного ужасающий даже меня опыт популяризаторской работы с самыми разными людьми, я пишу диссертацию по философии немецкого идеализма, и, наверное, это идеальное время, чтобы рассказать, как это так вышло. При этом ко всему, что у меня есть, у меня сложное отношение.

Для меня академический мир и философия – совсем не синонимы. Пока что речь шла об академическом мире, успехи в котором я могу описать, порадовать ими ближних; а вот какие успехи у меня в собственно философии — это уже другой разговор. Наверное, про это скажет следующее поколение, точнее, если оно что-то скажет, значит они есть. Свои ученики у меня появились недавно; пока что я суеверно буду о них молчать.

В любом случае, тому, что у меня есть сейчас и как у академика, и как у философа, я обязана своим учителям. Именно они приняли меня в то место, которое стало мне домом, вырастили меня, сначала заразили меня философией, а потом научили ей. Моя история про поколения будет, наверное, несколько обрывочной; но на самом деле мне бы даже и хотелось, чтобы она не была строгим нарративом, а скорее зарисовкой, наброском момента, в котором я сейчас. Это бы, как я надеюсь, показало бы и прошлое, и настоящее, и будущее – три эпохи, опосредующие друг друга в том бесконечно развивающемся и становящемся процессе, который мы называем философией.

\* \* \*

Тема мой диссертации – «Философия любви Ф. В. Й. Шеллинга». Речь в ней не только о натурфилософии, романтической традиции, но и, конечно, о том, что вообще такое любовь. Если бы автореферат можно было бы написать одним предложением, я бы написала, что «любовь – это глагол». Я убеждена, что именно так оно и есть. Любовь – это движение, действие, любовь всегда активна, тем она и отличается от либо оцепляющей, либо охватывающей тебя страсти.

Философия – тоже движение, но по направлению к мудрости. Философское движение, думаю, ничем не отличается от движения физического. Хоть двигаться и придется самому, но импульс движения тебе кто-то или что-то должен сообщить. Я не верю, что философии можно научиться или войти в нее через книгу; она, конечно, может быть катализатором, но сам импульс передается от человека или от события мира. Я тут имею в виду импульс к занятиям философией; сама философия должна уже в скрытом виде быть в потенциальном философе, подобно тому, как телу вообще можно сообщить движение только тогда, когда он имеет хоть какую-то массу.

Для меня это всегда было безоговорочно так. Философии я учусь у людей, стараюсь учиться и у мира (в том смысле, в каком Декарт говорит о том, что не следует искать никакой другой науки, кроме той, что можно найти в себе или в великой книге мира). У мира, между прочим, намного сложнее. Предположу пока что, что это какой-то следующий уровень, только-только приоткрывшийся мне, но пока еще не вполне ясный.

Мое первое яркое философское впечатление связано с лекцией Владимира Натановича Поруса. К моменту нашей с ним встречи первокурсники уже прослушали несколько дисциплин, так или иначе прикоснулись к философии; но я все никак не могла понять – что же это. Однажды моя подруга на вопрос о том, как понять «любовь ли это?», остроумно ответила – «это как чайник кипит, перепутать тут нельзя». Именно такое ощущение у меня было от лекции Владимира Натановича. Вот это – философия. Перепутать тут было совсем нельзя.

Владимир Натанович из тех учителей, кто является не ментором, а путеводной звездой; он не учит философии как ремеслу, он учит философски видеть и думать. Как преподаватель

он впечатлил, заразил меня, показал мне смысл и суть дела. Как руководитель он понял своего ученика и предложил мне те пути, которые действительно могли мне подойти и подошли. Как, смею надеяться, друг – он всегда для меня верная поддержка и опора. Я бы сказала, что он не лицо философии, а больше – философ с человеческим лицом.

Второе яркое впечатление – Татьяна Михайловна Рябушкина. Я безусловно считаю себя ее учеником, а ее – своим первым педагогом в философии. Именно на долю Татьяны Михайловны пришлось самое сложное и ответственное дело – помочь мне сделать самый первый академический шаг. Я не имею сейчас ни малейшего понятия, почему я выбрала ее как научного руководителя на первом курсе. Едва ли кафедра онтологии, логики и теории познания могла бы привлечь только что не поступившего на режиссерский первокурсника, тут явно было что-то еще. Помню только, что, когда на семинар приходила прекрасная, источающая какой-то *свет науки* Татьяна Михайловна – мое разбитое ВГИКом сердце исцелялось и в какой-то момент исцелилось.

Мне сложно представить более требовательного и хладнокровного руководителя. Все мои сентиментальные пассажи вычеркивались с пометками «бессмысленный текст», а корявые абзацы рецензировались резко и почти жестоко. В качестве заданий я получала тексты, в которых поначалу не могла понять по 8 слов из 10. Все их я выписывала, разбирала, параллельно в ночи решая бесконечные задачи по курсу логики (я чувствовала, что это что-то очень важное и нужно для меня, если я останусь в академии). Почему-то все это не вызывало усталости, все было как на одном дыхании, думаю, потому что моя руководительница действительно вдохновляла меня. Татьяна Михайловна показала мне, что даже самую яркую и смелую мысль нужно подготовить для читателя и слушателя, что философия – еще и нелегкий труд. Поразительно, как в ней самой подлинная философская самобытность сочетается с академической твердостью и точностью.

Тогда, во время работы с Татьяной Михайловной, в декабре 2014 года, я приняла важное духовное решение – я свяжу свою жизнь с философией.

На втором курсе случилось еще два важных знакомства – с Дианой Эдуардовной Гаспарян и Софьей Владимировной Данько. Я думаю, что это именно те имена, которые сейчас следует называть, говоря о том, кто из женщин занимается философией в России. В Диане Гаспарян меня поразило то, как ловко и точно она усматривает философию прямо вокруг себя. Нет такого процесса или события, в котором Диана Гаспарян не увидела бы философии. Это было восхитительно. Я, подражая ей, пыталась так же посмотреть на то, о чем я раньше не думала. И, честно сказать, никогда это мне не удавалось. У Дианы Гаспарян удивительный подлинно философский талант. Она видит в мире что-то такое, что видит только она, но понятно и увлекательно рассказать об этом она может всякому.

Софья Владимировна Данько была и остается для меня *самой* философией. Я, пожалуй, не встречала в своей жизни человека, кто бы настолько ответственно подходил к мысли и к идее. Это касается и ее оригинальных текстов, и преподавательского дара – на момент объяснения она сама становится этим самым философом, наверное, так и проявляется премудрость! Уверена, что великий Платон посвятил бы ей диалог о подлинно философском духе. Если сделать шаг в сторону от лирики, то я бы сказала, что Софья Данько научила меня философской честности, даже, лучше сказать, воспитала ее во мне. Кстати, вот это «воспитательное» для меня – обязательное качество философа. Философ должен быть учителем. Ученый (и я тут вижу разницу) может позволить себе отстраниться – философ нет.

Полгода спустя случилось еще одно очень важное знакомство – с Петром Владиславовичем Резвых. Совершенно удивительно, что немецкая философская традиция, которой занимается Петр Резвых и которой он научил меня, всегда стремилась к системе и к правилу. Для меня же Петр Резвых всегда был исключением из правил. Он очень необычный ученый; он

одновременно и в системе, и над ней. У него есть какой-то редчайший дар погружаться даже не в тексты, а в саму философию Канта, Шеллинга, Гегеля, да и всех прочих. Он словно получил все, чем щедро делится со своими учениками и коллегами, из первых рук. Не знаю, как это возможно, но это впечатляет.

Еще много имен пришли мне в голову – особенно коллег из других городов, университетов. Или можно было бы сказать и о тех, кого я помню по принципу «не можешь быть хорошим примером, будь ужасающим предупреждением». Это тоже всегда для меня был важный опыт. Но там, где все, там ничего.

\* \* \*

Первые мои три года в философии прошли в трудах над проблемой субъекта. Ее я считаю самой важной, не в том смысле, что нужно решать только ее, а в том, что, чем бы ты ни занимался, следует в этом вопросе занять определенную позицию. Когда пылкая страсть к Витгенштейну немного остыла и сменилась вечной и глубокой любовью, мой руководитель на третьем курсе Владимир Натанович Порус дал мне прочесть трилогию Макса Фриша («Номо faber», «Назову себя Гантенбайн», «Штиллер»).

Макс Фриш поразил меня до глубины души – так открылся новый, до сих пор важнейший для меня философский путь, по которому рука об руку идут философия и литература. Под руководством Владимира Натановича я защитила дипломную работу, в которой, с одной стороны, были представлены итоги моих четырехлетних занятий темой субъекта, а с другой – в ней было видно, сколь впечатлила меня возможность и необходимость контакта философии и литературы. Сейчас мне кажется, что это была дерзкая и очень юношеская работа, в которой я ни много ни мало предлагала «свое решение проблемы субъекта». От коллег знаю, что такая работа есть у нас всех – получается, что это что-то вроде входного билетика в какое-то философское поколение вообще.

Отсюда – тема самостановления. Так сложилось, что круг моих друзей был очень разновозрастный. Они всегда были либо сильно старше, либо сильно младше меня. Наблюдая за ними и за собой, я вижу, какими причудливыми – но для всех закономерными — дорогами происходит самостановление человека в академии. Тем, кто принял решение связать свою жизнь с наукой, суждено пережить некоторые важные сюжеты, переходящие из поколения в поколение и как бы прочерчивающие их связь. Проще всего показать это на примере – пусть это будет *презрение к незнанию*.

Разница между эрудицией и умом хотя и интуитивно ясна, но труднообъяснима. По младшим и старшим друзьям, по себе я вижу, как переосмысление этого сюжета говорит о некоей принадлежности к поколению (или, может быть, о прохождении важного этапа в рамках одного поколения – этого я пока точно не знаю). В юные бакалаврские годы мы склонны, вооружившись эрудицией, презирать незнание, отчетливо связывая его с умом, успехом, перспективами, наконец – с самой наукой. Тот, кто посмел спутать Канта с Контом, должен быть если и не лишен студенческого билета сразу, то по меньшей мере отправлен на исправительные работы в «Ленинку». Более того, все собственно человеческие качества мы тоже – по юности – мыслим в неразрывной связи с эрудицией и противопоставляем незнанию. Не читавший «Критик» человек хорошим и интересным быть не может. Мы не говорим это вслух, но ведь думаем так. Почему? Мне кажется, что это похоже на естественную защитную реакцию ребенка, которому придется выживать в заведомо сложном и конкурентном мире. Особенно это заметно на примере академической философии, где критерии качества работы определить порой сложнее, чем в других дисциплинах; потому эта особенность психики проявляет себя очень резко.

В какой-то момент (в среднем – третий курс бакалавриата / первый курс магистратуры) эта связь должна быть разорвана. Тогда вооруженному Кантами и Контами студенту наконец открывается мир. Профессорско-преподавательский состав меняет свое лицо – случаются новые разочарования или очарования. Обостряется дистанция между теми, для кого эта связь разорвалась, и между теми, с кем этого еще не случилось. Однако самое главное тут – увидеть, что это не конечная точка. Это здорово можно показать через диалектическую триаду И. Г. Фихте. «Я» полагает «не-Я», что делает возможным «абсолютное Я», и круг начинается заново.

С этим связан еще один сюжет – парадоксальность необходимости Другого в философии. Есть много вариаций на тему шутки – что если всех философов закрыть в одной комнате, то они либо убьют друг друга, либо будут молчать. Я думаю, что философия в этом смысле действительно особая дисциплина. Философствовать можно только в одиночестве, но только зная, что другие, кто тоже философствует, – есть. Это особым образом определяет нашу поколенческую связь. Мы редко перенимаем концепцию или метод, мы заражаемся от учителя философией.

Сегодня философам всё чаще приходится выходить на публику. Так как мои творческие амбиции изначально преобладали над академическими, для меня это было очень кстати. Безусловно, одним из самых важных событий своей философской жизни я считаю участие в потрясающем и блестяще организованном вышкинском проекте «Научные бои». Мне тогда довелось выступить в Парке Горького перед огромным количеством людей, чтобы за десять минут представить им результаты своей работы над проблемой субъекта. Это очень крутой проект, но я вспоминаю сейчас об этом еще и потому, что само возникновение формата многое говорит о нашем поколении – мы часто уступаем обстоятельности изложения в пользу яркой и броской демонстрации идеи. Не знаю, насколько это хорошо или плохо, но это отличительная черта. От гуманитария сейчас ждут, что он будет «зажигать» – говорить мало, но ясно, весело и увлекательно. Судя по моим беседам со старшими коллегами, так было не всегда.

Со своей стороны – я всегда стремлюсь совмещать эти вещи. Те, кто относится к «моему» поколению, как я вижу, тоже. В этой связи мы часто слышим упреки в консерваторстве, в том, что мы противимся эпохе, не очень-то хотим продавать и не понимаем, что наука – это бизнес. Наверное – и тут могла бы быть перекрестная ссылка с самым началом моего рассказа, – это один из законов развития истории. Консерватизм оказывается своего рода сцеплением, на дающем необузданному локомотиву науки свернуть с рельс.

Может быть, философия где-то и превратится в бизнес, но не для меня. Мой творческий импульс всегда звал меня выступать и рассказывать о философии тем, кто еще не имел с ней дело. Я чувствую ее внутри и хочу делиться, заразить ей тех, кто еще не знает о ней – но тут тоже есть предел. Например, объясняя Канта, я люблю приводить художественные примеры, но слежу за тем, чтобы они не загораживали его философии. Отчасти эта манера обусловлена и тем, что мне часто случается работать в медийном пространстве.

Там есть мегапроекты типа «Синхронизации» – это масштабное и фундаментальное предприятие, сделанное профессионалами, но с ними сработаться у меня не получилось. В этом смысле самая важная для меня площадка, где я работаю вне академии – InLiberty. На мой взгляд, там очень здорово выстроен баланс между теорией и практикой, между простым и сложным, это потрясающий образовательный проект с крутой командой. Работа с ними для меня – настоящий праздник. Там действительно есть свобода, которой я вдохновляюсь. Однако если сравнивать это с классической академией, то я бы сказала, что это просто другая история. Академия ни в какую эпоху не могла существовать по таким законам, но это и не нужно. Здесь, мне кажется, у всего свои плюсы. Более того, я едва ли смогла бы

продуктивно работать на InLiberty без основательного интеллектуального багажа и знания канона, которые я получила именно в академии.

На самом деле мне кажется, что вне зависимости от важности «медийности» для эпохи философ должен выходить в мир, к людям, которые занимаются не философией, а чем-то другим. На этот счет наверняка есть или скоро появится отдельная работа; про себя могу сказать, что общение с представителями смежных дисциплин, а то и вовсе не философами для меня всегда было очень плодотворным и вдохновляющим. Впрочем, и тут, наверное, нужно быть очень аккуратным – выходить в мир философам можно и нужно, но вот выходить в мир в костюме академика неуместно. Философы нужны миру, а академики – академии.

Когда-нибудь нужно будет написать небольшую книжку с философскими историями из мира – про то, как словом, фразой или делом люди вокруг меня открывали сложнейшие философские законы, а мне удавалось это заметить. У меня, например, очень философская мама. Когда я в детстве хотела котенка, которого мне никто покупать, конечно, не хотел, то я сочла перспективным поставить родителей перед фактом – не просить и не спрашивать разрешения, а просто принести котенка. Об этом я им и объявила, спросив, какого цвета котенка мне купить. «Прозрачного», – ответила мама. Я и сегодня привожу эту историю в пример, говоря о Канте или Витгенштейне.

В начале 2018 года я уехала учиться в Германию. Эта долгая и сложная история, которая со стороны кажется закономерной, учитывая мою тягу и любовь ко всему немецкому и, возможно, голос очень дальних предков; для меня, однако, это было удивительное и неожиданное событие. Я, конечно, думала об этом в Konjunktiv II еще с первой страницы «Критики чистого разума», но ни финансовых, ни прочих возможностей у меня тогда не было. Думаю, если бы не стипендия от DAAD, это бы так и не стало для меня возможным. Теперь в моем дипломе написано *Master of Arts*, и мне есть что рассказать о совершенно другом опыте жизни.

Еще в бакалавриате на спецкурсе по Гегелю американский профессор сказал нам, что нужно обязательно поучиться в другой стране, чтобы «потерять там себя, потом вернуться домой и заново найти», что так и проходит самостановление. У меня к тому моменту опыта заграничных поездок почти не было; самый европейский, продвинутый и философский в семье – дядя. Он меня тогда начал здорово поддерживать. А профессор был, конечно, по-своему прав – это точно необходимый опыт (и наше поколение может намного более свободно пользоваться этой возможностью), но для меня это скорее пример про путешествия. В Германии я почему-то не чувствую себя не дома, наоборот – чувствую какую-то очень важную с ней связь. Больше ни в какой стране такого не было. У меня множество смешных и показательных историй, все они – светлые и почти сказочные.

Меня удивляло, как немцы ведут курсы по немецкой философии – это очень отличается от того, как русскую философию преподают у нас. К сожалению, пока что в Германии это выглядит более убедительно; при этом я не думаю, что это потому, что у нас такая уж менее убедительная философия – нет. Меня удивило, как прилежно готовятся студенты к занятию. Они действительно читали тексты и, как следствие, активно обсуждали их на семинарах; конечно, с разным успехом, но я никогда не заставляла стыдливой семинарской тишины. Есть, правда, обратная сторона медали – общий кругозор по предмету почти всегда хуже, чем у русских студентов. Мучительная для обучающихся в России система ГОСов и «кандминимум» делают свое дело – мы знаем вперед, назад, вправо и влево намного больше, чем западные ровесники.

Да и преподаватели иначе готовятся к занятиям – ответственно продумывается каждый новый курс, а курсы очень редко повторяются. Впрочем, это сложная тема. У них другие

условия труда, это точно. Но и спрос с них весьма серьезный – по крайней мере у меня такой опыт. Они работают со студентом больше и регулярнее, причем не столько персонально, сколько в форме коллоквиума. На одном из них я услышала от профессора Й. Шульте совет – в академии и жизни нужно всегда быть *open-minded*. До сих пор считаю эту вовремя и к месту сказанную им фразу своим девизом.

Но больше всего меня поразило то, что на одной из летних школ по германистике, где был совершенно, как мы говорим, звездный состав, а участники были не старше магистратуры, профессора действительно слушали доклады друг друга и студентов. Есть прекрасное немецкое слово для глагола «воспринимать» – *wahrnehmen*, где «*wahr*» обозначает правду; так вот все слушали друг друга взаправду. Конечно, это сложная и скользкая тема – кто знает, что они думали, да и исключения найдутся. Но что я хочу, чтобы наше поколение начало делать в России – так это возродить культуру академического общения; это то, чего нам очень сильно не хватает.

Сейчас я стараюсь быть на связи со «своим поколением». Мне кажется, что даже если оно и одно из последних в «классическом» смысле слова, то всё равно – очень сильное и крутое. Софья Порфирьева, например, работает с архисложными латинскими классическими текстами, умудряясь при этом делать очень качественные и современные вещи по квир-теологии; Мария Федорова – один из самых ярких умов «до тридцати» – великий организатор, систематизатор, при этом оригинальный и смелый автор, связывающий аналитическую и континентальную традиции. Антон Цыгуров – настоящее и совершенно точно блестящее будущее лицо немецкой классики в России. Или Ася Копылова – не знаю школьника или студента, кто не уходил бы с ее занятий в восторге и не ждал бы следующего, и это при том, что она работает с материалом, который точно нельзя назвать веселым, – со средневековой логикой.

Почти у всех нас уже есть свои ученики. Сейчас я много сил вкладываю в преподавательский процесс, стараюсь, чтобы мы собирались на коллоквиумы, вычитываю каждую строчку текста так, как когда-то (и иногда еще сейчас) вычитываю мои. Тексты моих студентов уже заметно отличаются от тех, что на первом курсе писало «мое поколение». С одной стороны, они легче, живее, смелее, поражает разнообразие тем и готовность к исследованию того, о чем еще не написано ни строчки. С другой стороны, они словно более фрагментарны и сбивчивы, иногда небрежны и всё же более претензионные. Не думаю, что дело в одной только цифровой эпохе – многие нынешние бакалавры и без Google знают явно больше, чем мы. Думаю, тут важно не пытаться сделать их «консервативнее» или пытаться подавить эту легкость, смелость, предложив взамен академические штудии 24/7.

Пока что мне бы наивно хотелось тех, кого теперь учу я, просто любить и помогать им, делать что-то для них. У меня сейчас интересная пора – я и учусь, и учу; хотя, если честно, мне бы всегда хотелось находиться именно в таком движении, а не в какой-то определенной позиции. Ведь философия – это глагол. Это знает каждый, кто занимался ей, а не чем-то другим. Поколение – тоже глагол. Нельзя, выражаясь языком Канта «подпасть под понятие» поколения; можно только актом, движением, быть соавтором философского процесса, который, как и вся мировая история, проходит разные этапы, и сейчас мы – один из них.

У меня еще миллион историй, из которых сплетается сейчас мое поколение. Но пока что нужно где-то остановиться. Пусть это будет нехитрое, но важное для меня соображение, к которому я пришла, пока размышляла о поколениях. За эту возможность я благодарю Юлию Вадимовну Синеокою.

Философ живет в каком-то поколении, но в философе живут сразу все поколения — на то он и философ.